
СМОТРИТЕЛЬ

Александр Василевский

Смотритель. Начало

Серия «Смотритель», книга 1

https://litres.ru/74758347
SelfPub; 2026

Аннотация

Александр Рыжиков - тридцатилетний менеджер по продажам. Он умеет закрывать сделки, снимать возражения и держать лицо. Он выгорел так тихо: говорит с людьми одинаково ровным голосом - с клиентами, с коллегами, с самим собой, одинаково никого не имея в виду.

Но у Александра есть вторая жизнь. Раз в неделю он спускается в подземелье под Минском, где по бетонной стене идёт тонкая, как волос, трещина. Он произносит слова, которые ему дали. Ставит галочки в блокноте. Обслуживает шов, практически не веря в него.

Всё меняется, когда трещина начинает расходиться. А в его жизни появляются многие странности.

Чтобы закрыть шов, Александру нужно найти свидетеля. Того, кто будет рядом по своей воле. Того, кто держит руку, пока ты шьёшь.

Двенадцать глав о выгорании и воскрешении. О городе, в котором знаешь каждый двор, но ни одного человека. О двери,

которой не должно быть, и ключе, который ждёт. О том, что одиночество — не сила, а работа вхолостую. И о том, что живым быть почти больно.

Содержание

Глава 1. Обход 5
Глава 2. Выгорание 10
Глава 3. Первая протечка 16
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Александр Василевский
Смотритель. Начало

Глава 1. Обход

Подземелье пахло мокрым бетоном и чем-то ещё - старым, как забытый долг.

Александр Рыжиков спускался по лестнице, держась за холодные перила двумя пальцами, брезгливо, будто они были в чужой крови. Фонарь он не включал: глаза привыкли за годы. Ступени знали его вес. Он знал их трещины. Это была не близость - это был износ.

«Доброго вечера», - прошептал он сам себе, потому что больше было некому. Голос отскочил от стены и вернулся чужим.

На площадке между этажами он остановился, достал свой ежедневник - тонкий, в кожаной обложке, с закладкой на нужной странице, открыл и взглянул на список. Восемь пунктов. Он любил списки: список - это сделка с самим собой, где ты уже знаешь, что получишь.

Пункт первый: подход. Молодой человек отметил этот пункт галочкой, не глядя. Как и десятки, сотни раз до того.

Пункт второй: стежок у входа.

Он прошёл под низкой аркой, где когда-то, лет тридцать назад, обвалился кусок перекрытия, и с тех пор там всегда капало. Мужчина произнёс нужные слова - короткие, сухие, как щелчок замка. Не пропел, не прошептал. Произнёс. Так произносят «ваш заказ подтверждён».

Слова ушли в стену, которая приняла их равнодушно. Настолько равнодушно может принимать слова лишь стена.

- Премного благодарен, - сказал Александр и поставил галочку.

Он не верил в шов в том смысле, в каком верят в бога или в гороскопы. Он шов обслуживал. Это разные вещи. Сантехник не верит в трубы - он знает, где они текут, и берёт за это деньги. У семьи Рыжиковых не было ни признания, ни власти, ни денег за это. Было лишь обязательство. Что, в сущности, то же самое, только здесь счёта выставляешь не ты.

Пункт третий: поворот у коллектора.

Пункт четвёртый: стежок у старой двери, за которой с сороковых годов ничего не было, кроме пыли и чужого терпения.

Он шёл ровно, не ускоряясь. Спешка - это необходимость признания, что тебе не всё равно. А ему было всё равно уже много лет, с тех пор, как он понял, что и в продажах, и в смотрительстве главное не результат, а сам процесс. Результат всё равно от тебя не зависит. Всё зависит только от того, как ты держишь лицо.

Наверху, в офисе, он держал лицо перед коллегами. Здесь,

внизу - перед бетоном.

Разница была только в освещении.

Пункт пятый: середина. Самое тонкое место. Здесь он всегда задерживался на секунду дольше, чем требовалось, не из почтения, а потому что где-то в глубине, под плитами, под слоем глины и старой воды, что-то медленно дышало, словно спящий, которому не мешают.

Александр не прислушивался. Прислушиваться - это значит признавать, что там есть что слушать. Он просто отмечал галочкой: «дыхание в норме».

- Извольте дышать пореже, - сказал он куда-то вниз, себе под ноги. - У меня ещё два пункта.

Дыхание не ответило. Оно никогда не отвечало.

Пункт шестой: обратный стежок.

Пункт седьмой: проверка шва.

Вот здесь он и остановился по-настоящему.

Трещина шла по стене наискось - тонкая, как волос, но он видел её сразу, потому что знал эту стену наизусть. Пятнадцать лет он смотрел на неё. Она была ровной. Всегда. Как столбец в отчёте, который не меняется квартал за кварталом.

Теперь по ней шёл волос.

Александр достал телефон, посветил. Волос блеснул. Вода блестит иначе - она течёт. Это не текло. Это просто было.

Он смотрел на трещину секунд десять. Внутри что-то шевельнулось - не страх, нет. Раздражение. Как у продавца, который видит, что клиент передумал уже после подписания,

и понимает: сейчас придётся работать, а не просто присутствовать.

- Возражение, - сказал он вслух. - Принято. Фиксируем.

Он записал в блокнот: «аномалия, вероятно, влага. Проверить в следующий обход». Почерк был ровный. Молодой человек гордился своим почерком, ведь это было единственное, что в нём не выгорело.

Пункт восьмой: выход.

Наверху был ноябрь. Минск лежал под ним серым, аккуратным, чужим - город, в котором он знал каждый двор, но ни одного человека. Проспект горел витринами, словно тысячи фонарей включились одновременно. Александр застегнул пальто, поправил шарф и пошёл к остановке.

У выхода из подземного перехода стоял пьяный мужчина. Старый, небритый, в куртке не по погоде. Пьяница посмотрел на Александра и вдруг сказал - ровно, ясно и без запинки:

- Шов стал дышать чаще. А ты, видно, что глухой.

Молодой человек остановился.

Он не торопясь повернулся и посмотрел на пьяного сверху вниз - вежливо, с небольшой долей пренебрежения, словно к ошибке в документах, которую допустили, просто забыв прочесть бумаги перед сдачей.

- Простите, не изволите ли повторить? - обронил он. Голос был ровный. Голос был правильный.

Пьяный не повторил. Пьяный смотрел на него и улыбал-

ся - не насмешливо, а жалостливо, как смотрят на человека, который забыл дома деньги.

Александр достал из кармана мелочь, положил в протянутую руку и пошёл дальше, не оглядываясь. Мелочь была не подаянием. Это была плата за то, чтобы разговор закончился. Он всегда платил за то, чтобы разговоры заканчивались.

Дома он налил себе виски, сел в кресло и раскрыл свой блокнот. Посмотрел на запись про влагу, взял ручку и зачеркнул «вероятно».

Написал: «наверняка».

Потом закрыл блокнот, выключил свет и сидел в темноте, прислушиваясь - не к шву, нет, к себе. К тому месту в себе, где раньше что-то было, а теперь было ровно, аккуратно и пусто.

- Доброй ночи, - сказал он в темноту.

Темнота не ответила. Она никогда не отвечала.

Глава 2. Выгорание

Утро понедельника началось с возражения.

- Александр Сергеевич, я не уверен, что мы можем...

- Вы можете, - сказал Александр, не поднимая глаз от экрана. - Вы просто не хотите. Это разные вещи. Когда люди чего-то не хотят, они любят прикрыться невозможностью.

Менеджер по имени Игорь стоял у его стола с папкой, как с щитом, и не уходил. В офисе пахло кофе и принтерной пылью. За окном ноябрь продолжал делать вид, что он не Минск, а просто серый фон для витрин.

- Но клиент...

- Клиент подписал договор, - отметил Александр. - В пятницу. Вы были на той встрече. Вы кивали. Я видел, как вы кивали. Кивок - это не согласие, Игорь, это рефлекс, но клиент этого не знает. Для клиента ваш кивок был обещанием. Теперь именно вы - обещание. Идите и выполняйте данное вами обещание.

Игорь ушёл. Александр посмотрел ему вслед ровно столько, сколько нужно, чтобы тот почувствовал взгляд, и вернулся к экрану.

Он хорошо продавал, но именно в этом и была проблема.

Десять лет назад он приходил сюда голодным - в прямом и переносном смысле, с одной рубашкой на все случаи и с верой, что если научиться закрывать сделки, научиться дого-

вариваться - то мир станет управляемым. Мир не стал. Мир оказался списком возражений, которые нужно снимать по одному, и в конце списка не было приза - только следующий список.

Он выгорел тихо, без пожара. Просто однажды понял, что говорит с людьми одинаково - и с клиентами, и с коллегами, и с собой в подземелье. Одинаково ровным голосом, одинаково вежливо, одинаково никого не имея в виду.

Звонок раздался в четверть двенадцатого. Номер был незнакомый, но код - городской, служебный.

- Я вас слушаю, - произнес он.

- Александр Сергеевич, - голос был сухой, чиновничий, с той степенью вежливости, которая означает «я вам не друг и никогда им не буду». - Беспокоит куратор. Есть инцидент.

Александр закрыл глаза на секунду. Вот оно. То самое «следующее возражение», которое он вчера занёс в блокнот.

- Внимательно, - сказал он.

- Комаровка. Ночью. Прохожий видел... - голос в трубке замолчал, был слышен лишь шелест бумаги, - ...не то. Формулировка расплывчатая. Прохожий сейчас в отделении, даёт показания. Показания мы, разумеется, скорректируем. Вам надлежит быть на месте и оценить.

- Надлежит, - повторил мужчина. Слово ему не понравилось: слишком похоже на «извольте». - Хорошо. Буду через сорок минут.

Он положил трубку и прикрыл глаза, пытаясь подвести

итог всему, что он услышал.

Комаровка встретила его запахом сырой картошки и мокрого асфальта. Рынок сегодня не работал - павильоны стояли тёмные, прилавки пустые, и только у мусорных контейнеров копошилась пара фигур. Ноябрьское утро было мрачным, как и любое другое.

Александр прошёл мимо очередного ряда разномастных павильонов и остановился там, где заканчивалась плитка и начинался старый асфальт - неровный, в заплатах, помнящий ещё те времена, когда здесь торговали не одеждой с претензиями на бренд, а чем придётся.

Здесь было тонко. Он чувствовал это не сердцем - опытом. Как продавец чувствует, что клиент сейчас скажет «дорого», ещё до того, как тот открыл рот.

Он достал блокнот. Открыл на чистой странице.

- Пункт первый, - сказал он себе. - Осмотр.

За спиной раздался голос:

- Ты всё ещё глухой.

Он обернулся.

Она стояла у стены павильона, в расстегнутом пальто, скрестив руки на груди. Огненно-рыжие волосы, короткой стрижкой чуть выше плеч обрамлявшие лицо. Лицо, которое он знал когда-то лучше, чем своё, - и которое теперь смотрело на него без тепла, как смотрят просто на обычного прохожего.

Мужчина не изменился в лице. Это было его главное уме-

ние. Он умел не меняться в лице, когда внутри у него что-то падало.

- Доброе утро, - произнес он ровно. - Вы, простите, по какому вопросу?

Она усмехнулась - коротко, без радости.

- По тому же, что и ты. - Она кивнула в сторону какой-то из сотен одинаковых плиток. - Только я слышу, а ты смотришь в блокнот.

- Блокнот - это протокол, - сказал он. - Протокол - это порядок. Без порядка тут будет не рынок, а...

- А что? - спросила она.

Он не ответил. Слова «а что» у него не было. В списке возражений не было этого пункта.

- Ты изменился, - сказала она, глядя на него внимательно и как-то даже оценивающе. - Постарел.

- Вам показалось. Мне тридцать.

- Я не про лицо.

Пауза. Мимо прошёл человек, подскользнувшись на мокрой плитке, уронив телефон, но огромными усилиями сохранив равновесие. Александр посмотрел на блокнот, потом на неё, потом снова на блокнот.

- Лили, - сказал он наконец. Просто имя, которое он не произносил вслух много лет.

- Не надо, - возразила она. - Не начинай. Я здесь не за этим.

- А за чем?

- За швом. - Она подошла чуть ближе. - Ты вчера видел трещину. Я знаю, что видел. Ты записал «влага» и пошёл домой пить виски.

Он не спросил, откуда она знает. Он уже понял, что она знает больше, чем он.

- Ну допустим, - изогнул бровь он. - Что вы предлагаете?

- Я предлагаю, чтобы ты перестал изображать смотрителя и именно стал им. - Она сказала это без злости. Хуже - с усталостью и даже безразличием. - Пока ты обслуживаешь шов, он расходится. А ты этого не слышишь. Ты уже был глухим, когда я уходила. Ты всё ещё глухой сейчас. Только теперь это уже не только твоя личная проблема.

- Уходили вы, - фыркнул он. - Насколько я помню, по своей воле.

Он сказал это с тем же безразличием. Слишком деланно, слишком старательно. Так говорят, когда хотят, чтобы фраза ничего не стоила.

Она посмотрела на него долго. Потом кивнула - как будто подтвердила себе что-то.

- Да, - сказала она. - По своей. И вижу, что не ошиблась.

Она достала из кармана сложенный лист бумаги - старый, в пятнах, с обтрёпанным краем - и протянула ему.

- Это не моё. Это твоё. Я долго это хранила и больше не буду.

Он взял. Лист был тонкий, почти папиросный. На нём - строки, написанные от руки, почерком, который он знал: по-

черк матери.

- Ты прочитаешь, - добавила она. - Или не прочитаешь. Мне уже всё равно. - Девушка сделала шаг назад. - Но, если ты и после этого будешь стоять с блокнотом и искать утечку влаги, словно ты сантехник, а не смотритель - пеняй на себя.

- Лили.

- Нет, - сказала она. - Не сейчас. Сначала прочитай.

И пошла - мимо павильонов, к выходу с рынка, не оглядываясь. Расстегнутое пальто взметнулось, рыжие волосы стегнули его не по лицу, а по самой сути внутри. Как тогда, много лет назад.

Александр стоял с листом в руке и с блокнотом в другой. Ветер тронул лист, и он машинально прижал его к груди - не из бережности, а чтобы не унесло. Чтобы не потерять.

Потом посмотрел на плитку. Потом на блокнот. Потом на лист.

И впервые за четыре года не нашёл, что записать.

Глава 3. Первая протечка

Лист он прочитал только вечером.

Не потому что не хотел. Потому что умел откладывать. Это тоже было частью выгорания: ты не боишься важного, ты просто ставишь его в очередь, а очередь не кончается никогда.

Он пришёл домой, снял пальто, повесил ровно - плечико к плечику - и положил лист на стол. Потом налил виски, сел и посмотрел на лист. Почерк матери был мелкий, экономный, с наклоном вправо. Она всегда писала так, будто бумага была дороже, чем есть.

«Саша. Если ты это читаешь, значит, я уже не могу сказать вслух. Вникай, читай внимательно, потому что я говорю только один раз - ты знаешь, я не люблю повторять».

Он усмехнулся. Мать не любила повторять. Она вообще мало что любила.

«Шов нельзя держать в одиночку. Так учили нас, и так учили наших отцов. Смотритель без свидетеля - не смотритель, а сторож. Сторож смотрит, но не слышит. А шов, который не слышат, начинает искать, кому бы рассказать. И всегда находит. Я держала шов с твоим отцом. Потом одна. Потом перестала - и ты знаешь, что было потом. Я не хочу, чтобы ты повторил мои ошибки.

Найди свидетеля. Не слугу, не помощника. Свидетеля. То-

го, кто будет рядом по своей воле, а не по долгу. Кто услышит шов вместе с тобой. Тогда он успокоится. А без этого - он тебя переживёт, и город вместе с тобой.

Прости, что взваливаю. Я не нашла другого способа.

Мама».

Он сидел с листом в руке и не двигался.

«Сторож смотрит, но не слышит».

Вот оно. Вот что сказала Лили там, на рынке. Не «ты глухой» в прямом смысле - а «ты глухой». Как диагноз, который он сам себе поставил много лет назад и забыл, что поставил.

Он аккуратно сложил лист и положил в свой блокнот, между страницами. Допил виски. Поставил стакан на стол - ровно, на подставку, как всегда.

Потом пошёл в спальню, лёг, закрыл глаза и не спал до трёх.

***

Вещь появилась утром.

Он увидел её сразу, как только включил свет на кухне: на столе, рядом с чайником, лежал ключ. Старый, латунный, с бороздками на стержне и головкой в форме трилистника. Ключ, которого он не клал. Ключ, которого у него не было.

Александр посмотрел на него секунд пять.

Потом взял - двумя пальцами, брезгливо, посмотрел на него, наклонил голову - и выбросил в мусорное ведро. Ведро было пустое, чистое. Ключ упал на дно с глухим стуком.

- Примерно так, - сказал он вслух и пошёл чистить зубы.

Через двадцать минут ключ лежал на столе. Снова рядом с чайником, ровно в том же месте, словно издеваясь.

Молодой человек стоял в дверях кухни с чашкой кофе в руке и смотрел на него.

Вот теперь внутри что-то шевельнулось - не страх. Раздражение, которое не снимается. Как клиент, который возвращается после сделки с одним и тем же вопросом, хотя ты уже всё объяснил. Ты можешь злиться, можешь вежливо повторять - но он вернётся. Всегда вернётся.

Он взял ключ. Вышел на лестничную клетку - когда-то белоснежную, а сейчас уже потемневшую от времени и небрежности жильцов, спустился вниз - и выбросил в мусорный бак, захлопнув следом дверь.

Зайдя домой, бросил взгляд на чайник.

Ключ лежал все там же, издеваясь над действиями мужчины.

Тот же самый ключ, абсолютно, до каждой царапинки.

Александр отодвинул стул. Медленно. Встал. Прошёл в прихожую, достал блокнот, открыл на чистой странице - и записал, ровно, как всегда:

«Ключ. Материал - латунь. Появляется повторно. Классификация: протечка. Уровень: первый. Действия: не установлены».

Он смотрел на эту запись дольше, чем нужно. Потом дописал:

«Процедура не работает».

Это было первое честное предложение, которое он написал за четыре года.

***

В офисе все было как обычно. Но ключ был в кармане пальто. Он не выбросил его в третий раз. Он его взял с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.